

Я в долгу перед доктором Полем А. де Крюи не только за большую часть бактериологического и медицинского материала для этой книги, но и за помощь в разработке самой фабулы, за то, что в каждом персонаже романа он видел живого человека, за его философию ученого. Этим признанием я хочу помянуть месяцы нашей близости во время работы над книгой — в Соединенных Штатах, в Вест-Индии, в Панаме, в Лондоне, в Фонтенбло. Хотелось бы мне воспроизвести наши разговоры в пути, и дни в лабораториях, и ночные рестораны, и палубу на рассвете, когда входили мы в тропические гавани.

Синклер Льюис

Глава 1

В фургоне, пробиравшемся через леса и болота пустынного Огайо, сидела за возницу девочка лет четырнадцати в рваном платье. Ее мать похоронили близ Мононгахилы — девочка сама обложила дерном могильный холмик на берегу реки с красивым названием. Отец лежал в лихорадке на полу фургона, а вокруг него играли ее братья и сестры, чумазые ребятишки в отрепьях — веселые ребятишки.

У развилка, посреди заросшей травой дороги, девочка остановила фургон, и больной прерывающимся голосом проговорил:

— Эмми, ты бы лучше свернула на Цинциннати. Если нам удастся разыскать дядю Эда, он, я думаю, примет нас к себе.

— Никто не захочет нас принять, — сказала девочка. — Поедем прямо вперед, куда можем. На запад! И я увижу много нового!

Она сварила ужин, уложила детей спать и долго сидела одна у костра.

Это была прабабка Мартина Эроусмита.

Во врачебном кресле в кабинете дока Викерсона, закинув ногу на ногу, пристроился мальчик и читал «Анатомию» Грея. Звали его Мартин Эроусмит из Элк-Милза в штате Уиннемак.

В Элк-Милзе (тогда, в 1897 году, это была неприглядная деревушка с домами красного кирпича,

6 и пахнувшая яблоками) уверяли, что раздвижное коричневой кожи кресло, на котором док Викерсон производил мелкие операции и дергал изредка зубы, а чаще подремывал, начало свое существование в цирюльне. Держалось также поверье, что некогда его владелец прозывался доктором Викерсоном, но с годами он превратился просто в «дока», и был он еще обшарпанней и куда неподатливей своего кресла.

Мартин был сыном Дж. Дж. Эроусмита, который служил управляющим в «Нью-Йоркской распродаже готового платья». Из чистого задора и упрямства мальчик сделался в четырнадцать лет неофициальным и, разумеется, бесплатным ассистентом дока; когда док объезжал больных по окрестностям, он его заменял — хотя, в чем нужно было заменять дока, никто не мог бы объяснить. Мартин был стройный мальчик, не очень высокий; волосы и беспокойные глаза были у него черные, а кожа необычайно белая, и этот контраст, казалось, говорил о страстном непостоянстве. Все же благодаря квадратной голове и изрядно широким плечам он не выглядел женственным; не было в нем и той раздражительной робости, которую молодые джентльмены артистического склада именуют щепетильностью. Когда он, слушая, вскидывал голову, правая бровь его, лежавшая немного выше левой, поднималась и подергивалась в характерном для него выражении, энергическом и независимом, — и тогда видно было, что мальчик умеет постоять за себя, и обнаруживалась та дерзкая пытливость, за которую его недолюбливали учителя и директор воскресной школы.

Мартин, как большинство обитателей Элк-Милза до славяно-итальянской иммиграции, был типичным чистокровным американским англосаксом — иными словами, в его жилах текла германская и француз-

ская кровь, шотландская, ирландская, немного, 7
может быть, испанской, вероятно в некоторой
дозе и та смесь, что зовется еврейской кровью, и в
большой дозе — английская, которая, в свою оче-
редь, представляет собой соединение древнебри-
танского, кельтского, финикийского, романского,
германского, датского и шведского начал.

Нельзя с уверенностью утверждать, что, когда
Мартин пошел в помощники к доку Викерсону, им
безраздельно руководило высокое желание сделаться
Великим Целителем. Правда, он внушал трепет
своим ровесникам, когда перевязывал им ссадины
или анатомировал белок и при этом разъяснял, ка-
кие поразительные и таинственные вещи кроются
в физиологии; но в то же время он не был вполне
свободен от тщеславного стремления стяжать среди
товарищей славу, какая озаряла сына епископаль-
ного священника, мальчика, который выкуривал
целую сигару, не испытывая тошноты. Но сегодня
он усердно читал главу о лимфатической системе,
выговаривая вслух длинные и совершенно непонят-
ные слова, и от его бормотания в пыльной комнате
еще больше клонило ко сну.

Комната была средняя из трех, занимаемых доком
Викерсоном, окнами на Главную улицу, прямо над
«Нью-Йоркской распродажей готового платья». По
одну сторону от нее была затхлая приемная, по дру-
гую — спальня Викерсона. Док был старый вдовец;
он нисколько не заботился о том, что презрительно
называл «женским уютом»; в его спальне, где стояла
шаткая шифоньерка и прикрытая грязными одея-
лами походная кровать, никто не прибирал, кроме
Мартина — в тех редких случаях, когда на мальчика
находили приступы санитарного рвения.

Эта средняя комната служила одновременно
конторой, врачебным кабинетом, операционной,

8 гостиной, местом для игры в покер и складе охотничьих и рыболовных принадлежностей. У бурой оштукатуренной стены стоял стеклянный шкаф с зоологической коллекцией и медицинскими диковинами, а рядом — самый страшный и самый приманчивый предмет, какой только знали элк-милзские мальчишки: скелет с одиноким золотым зубом в оскале. По вечерам, когда док бывал в отлучке, Мартин для укрепления своего престижа приводил притихших мальчишек в жуткую темноту комнаты и чиркал серной спичкой о челюсть скелета.

На стене висело чучело шуки, собственноручно изготовленное доком и укрепленное на самодельной отполированной доске. Рядом со ржавой печуркой на захарканном, протертом до основы линолеуме стояла плевательница — просто ящик с опилками. На ветхом столе лежала груда памятных записей о долгах, которые док постоянно клялся «собрать наконец с этих прощелыг», но которые он никогда, ни при каких обстоятельствах не взыскал бы ни с одного должника. Из года в год... из десятилетия в десятилетие... из века в век — ничто не менялось для работяги-врача в хлопотливом, как пчелиный улей, городке.

Самый антисанитарный угол был занят чугунной раковиной, которой чаще пользовались для мытья перемазанных яйцом тарелок после завтрака, чем для стерилизации инструментов. По ее краям разложены были разбитая пробирка, сломанный рыболовный крючок, пузырек без ярлыка с какими-то пилюлями, неизвестно какими, ошетилившийся гвоздями каблук, изжеванный окурок сигары и воткнутый в картофелину ржавый ланцет.

Эта неприбранная запущенная комната выражала душу дока Викерсона, была ее символом: она волно-

вала сильнее, чем безличные стопки башмачных коробок в «Нью-Йоркской распродаже»; она манила Мартина Эроусмита на исследования и приключения. 9

Мальчик вскинул голову, поднял пытливую бровь. На лестнице слышны были тяжелые шаги дока Викерсона. Док не пьян! Мартину не придется укладывать его в постель.

Но было недобрим признаком, что док прошел сперва через прихожую в спальню. Мальчик стал вслушиваться и услышал, как док отворил нижний шкафчик в умывальнике, где держал бутылку ямайского рома. Забулькало; затем невидимый доктор поставил бутылку на место и решительно захлопнул ногою дверцу. Пока не страшно. Только раз приложился к бутылке. Если теперь он пройдет сразу в кабинет, все обойдется благополучно. Но док все еще стоял в спальне. Мартин вздохнул, когда дверца умывальника снова поспешно отворилась, и снова послышалось бульканье, потом в третий раз.

Поступь дока была много бодрее, когда он ввалился в кабинет серой тушей с серой щеткой усов — огромный, нереальный и неопределенный, точно облако, на миг принявшее сходство с человеком. Сразу кидаясь в атаку — обычный прием у того, кто желает предотвратить разговор о своей провинности, — док подошел к письменному столу и загремел:

— Что вы тут делаете, молодой человек! Что вы тут делаете? Т-так и знал, что кошка что-нибудь притащит, если я не запру дверь. — Он негромко икнул, улыбнулся, чтобы показать, что шутит, а то люди не всегда умеют распознать, в каком настроении док.

Он продолжал уже серьезней, забывая временами, о чем говорит:

10 — Читаешь старого Грея? Хорошее дело. Библиотека врача — это три книги: «Анатомия» Грея, Библия, Шекспир. Учись. Из тебя может выйти великий врач. Будешь жить в Зените и зашибать пять тысяч долларов в год — что твой сенатор. Меть всегда повыше. Лови удачу. И работай над собой. Кончишь сперва колледж, потом — на медицинский факультет. Изучай химию. Латынь. Науки! Я горе-врач. У меня ни кола ни двора. Я старый бобыль и пьяница. А ты — ты будешь видным врачом. Будешь зашибать пять тысяч в год!

У жены Маррея эндокардит. Я ничего не могу для нее сделать. Некому посидеть с ней, подержать за руку. Дорога — просто проклятие. Разворотило дренажную трубу за рощей. Прр...клятие!

Эндокардит и...

Учеба тебе нужна, учеба! Знать основы. Химию. Биологию. Я-то их не изучал. Миссис Джонс, жена преподобного Джонса, думает, что у ней язва желудка. Хочет ехать в город на операцию. Язва, как же! Оба они, и сам преподобный и его супружница, жрут не в меру!

Что они не исправят дренаж... И еще: не надо быть таким, как я, пропойцей. Учиться надо — накапливать знания. Чего не поймешь, объясню.

Мальчик, хоть и был он обыкновенным деревенским парнишкой, который не прочь пошвырять камнями в кошек и поиграть в пятнашки, испытывал лихорадку кладоискателя, когда док заплетаящимся языком старался открыть его духовному взору всю славу знания, говорил ему про универсальность биологии, про торжествующую точность химии. Док был старый толстый человек, нечистоплотный, опустившийся. С грамматикой он не ладил, его словарь смутил бы хоть кого, а его отзывы о своем сопернике, добрейшем докторе Нидхэме,

были прямо скандальны; и все-таки он умел 11 пробудить в Мартине мечту о химических опытах с шумными взрывами и вонью, мечту о разглядывании микроскопических букашек, которых еще не доводилось увидеть ни одному мальчику в Элк-Милзе.

Голос доктора стал глуше. Старик опустился в кресло, взгляд его был мутен, нижняя губа отвисла. Мартин упрашивал его лечь, но док не сдавался.

— Не желаю спать! Нет! Выслушай. Ты не ценишь, а ведь я... Я уже стар. Я делюсь с тобою всеми знаниями, которые сам приобрел. Показываю тебе коллекцию. Единственный музей на весь край. Я — пионер просвещения.

Сотни раз Мартин послушно смотрел на предметы, разложенные в темном книжном шкафу с потускневшей полировкой; на жуков и на куски слюды; на зародыш двухголового теленка; на камни, удаленные из печени одной почтенной дамы, имя которой док с энтузиазмом называл каждому своему посетителю. Док стоял перед шкафом и водил громадным, но дрожащим указательным пальцем.

— Погляди на эту бабочку. Это — *porthesia chrysorrhoea*. Док Нидхэм не мог бы тебе ее назвать. Он не знает, как какую бабочку зовут! Ему неважно, получишь ты знания или нет. Запомнил ты теперь это название? — Он повернулся к Мартину. — Ты слушаешь? Тебе интересно? А? Тьфу, черт! Никто и знать не желает о моем музее — ни одна душа! О единственном музее на весь край!! Я — старый неудачник!

— Да, право же, нет, — стал уверять Мартин. — Музей у вас шикарный!

— Смотри сюда! Смотри! Видишь? Вот здесь, в бутылке? Это — аппендикс. Первый аппендикс, вырезанный в нашем округе. И вырезал его я! Да!

12 Что ты думаешь! Старый док Викирсон первый в этом захолустье сделал операцию аппендицита! И основал первый музей. Небольшой — правда... но это — начало. Я не скопил денег, как док Нидхэм, но я положил основу первой коллекции — первой!

Он повалился в кресло, простонал:

— Ты прав. Пойду спать! Выдохся. — Но когда Мартин помог ему подняться на ноги, он рванулся в сторону, стал шарить рукой по письменному столу, подозрительно оглянулся. — Я хотел дать тебе кое-что. Положить начало твоему учению. Не забывай старика. Будет кто-нибудь помнить старика?

Док держал в протянутой руке свою нежно любимую лупу, которой годами пользовался в занятиях ботаникой. Он посмотрел, как Мартин опустил лупу в карман, вздохнул, попробовал сказать что-то еще и молча побрел в спальню.

Глава 2

Штат Уиннемак граничит с Индианой, Иллинойсом, Огайо и Мичиганом и, подобно им, представляет собой сочетание Востока со Средним Западом. Его кирпичной стройки деревни, осененные чинарами, его промыслы и традиции, восходящие к Войне за независимость, дышат Новой Англией. Самый крупный город штата — Зенит — основан в 1792 году. Зато полями пшеницы и кукурузы, красными амбарами и силосными башнями Уиннемак принадлежит к Среднему Западу, и многие его округа, несмотря на седую древность Зенита, начали заселяться только с 1860 года.

Уиннемакский университет находится в Могалисе, в пятнадцати милях от Зенита. В нем учатся двенадцать тысяч студентов; Оксфорд рядом с этим чудом — крошечная богословская школа,

а Гарвард — изысканный колледж для молодых джентльменов. При университете имеется бейсбольное поле под стеклянной крышей; его здания тянутся на много миль; он держит на жалованье сотни молодых докторов философии для ускоренного обучения студентов санскриту, навигации, счетоводству, подбору очков, санитарной технике, провансальской поэзии, таможенным правилам, выращиванию турнепса, конструированию автомобилей, истории города Воронежа, особенностям стиля Мэтью Арнольда*, диагностике кимопаралитической миогипертрофии и рекламированию универмагов. Его ректор — первый специалист в Соединенных Штатах по добыванию денег и застольным речам; и Уиннемак первый среди университетов всего мира ввел передачу своих заочных курсов по радио.

Это не какой-нибудь колледж для юных снобов, посвященный праздным пустякам. Это — собственность граждан штата, а граждане штата нуждаются (или им внушают, что они нуждаются) в фабрике по изготовлению мужчин и женщин, которые вели бы нравственный образ жизни, играли бы в бридж, ездили бы в хороших автомобилях, проявляли предприимчивость в делах и при случае упоминали ту или иную книгу, хотя всякому ясно, что читать им некогда. Это — фордовский завод; выпускаемые им автомобили хоть и дребезжат, зато безукоризненно стандартизованы, и их части можно легко переставлять с одного на другой.

Влияние Уиннемакского университета и численность его студентов растут с каждым часом, и можно ожидать, что к 1950 году он создаст совершенно новую всемирную цивилизацию — более мощную, более бойкую, более чистую.

* Арнольд, Мэтью (1822—1888) — английский литературовед и критик.

14 В 1904 году, когда Мартин Эроусмит, получив звание бакалавра наук и искусств, готовился к поступлению на медицинский факультет, Уиннемак насчитывал всего пять тысяч студентов, но был уже довольно бойким центром.

Мартину исполнился двадцать один год. Он все еще казался бледным — по контрасту с гладкими черными волосами, но был приличным бегуном, неплохим центром в баскетболе и ярким хоккеистом. Студентки перешептывались о его «романтической внешности»; но так как было это до изобретения половой проблемы и до эры вечеринок с поцелуями, они говорили о нем только на расстоянии, и он не знал, что мог бы сделаться героем любовных историй. При всем своем упрямстве он был застенчив. Он не был совсем неопытен в ласках, но не превращал их в занятие. Общество его составляли молодые люди, мужскою гордостью которых было курить замусоленную кукурузную трубку и носить замусоленный свитер.

Университет стал его миром. Элк-Милз для него больше не существовал. Док Викарсон умер, был похоронен и забыт; отец и мать Мартина умерли, оставив ему средства только на окончание университета. Целью его жизни были химия и физика с перспективной биологией на будущий год.

Кумиром Мартина был профессор Эдвард Эдвардс, руководитель кафедры химии, известный всем под кличкой «Дубль-Эдвардс». Познания Эдвардса в истории химии были необъятны. Он читал по-арабски и приводил в ярость своих коллег, уверяя, что арабы предвосхитили все результаты их изысканий. Сам профессор Эдвардс никогда не занимался изысканиями. Он сидел перед камином, гладил свою овчарку и посмеивался в бороду.

В этот вечер Дубль-Эдвардс устроил один из своих обычных приемов, всегда охотно посещавшихся.

Он откинулся на коричневую спинку обитого 15
плисом кресла и спокойно шутил на радость
Мартину и еще пяти-шести молодым фанатикам
химии, поддразнивая доктора Нормана Брамфита,
преподавателя английской литературы. Комната
была полна весельем, пивом и Брамфитом.

В каждом учебном заведении есть свой бунтарь,
призванный повергать в трепет и смущение пере-
полненные аудитории. Даже в столь интенсивно-
добродетельной организации, как Уиннемакский
университет, был такой бунтарь, — этот самый
Норман Брамфит. Ему безоговорочно разрешалось
говорить о себе, как об аморальном существе, агно-
стике и социалисте, поскольку всем было известно,
что он хранит целомудрие, верен пресвитерианской
церкви и состоит в Республиканской партии. Сегод-
ня Брамфит был в ударе. Он уверял, что всякий раз,
как мы имеем дело с гениальным человеком, можно
доказать, что в нем есть еврейская кровь. Как всегда
бывает в Уиннемаке, когда заходит речь об иудаиз-
ме, разговор перешел на Макса Готлиба, профессора
бактериологии на медицинском факультете.

Профессор Готлиб был загадкой университета.
Было известно, что он еврей, что он родился и учил-
ся в Германии и что его работы по иммунологии
стяжали ему славу на Востоке* и в Европе. Редко
выходил он из своего обветшалого коричневого до-
мика, если не затем, чтоб вечером вернуться в лабо-
раторию, и мало кто из студентов, не слушавших его
курса, знал его в лицо; но каждый слышал о нем —
о высоком, худом и смуглолицем затворнике. О нем
ходили тысячи басен. Рассказывали, что он сын не-
мецкого принца, что он несметно богат и живет так
же скудно, как и прочие профессора, только пото-

* Т.е. в восточных штатах США.